

© 2000 г. Г.И. КУСТОВА

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ И СИСТЕМА ПРОИЗВОДНЫХ ЗНАЧЕНИЙ*

1. ПОДХОД И ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Если бросить взгляд в недалекое прошлое – эпоху структурализма, – то одной из особенностей структуралистского подхода следует признать “автономизацию” языка: язык рассматривался как более или менее самодостаточный механизм, автономный как по отношению к человеку, так и по отношению к внеязыковой реальности. Акцент делался на внутренних, имманентных правилах и законах строения и функционирования языковой системы.

Современные лингвистические теории характеризуются совсем иными акцентами. Их отличает стремление, с одной стороны, встроить язык в систему других когнитивных механизмов человека (ср., например, концепцию семантических примитивов А.Вежбицкой, которая исходит из единой общечеловеческой природы единиц универсального семантического языка; тем самым этот универсальный язык становится естественным основанием для сопоставления (и сопоставимости) разных языков); с другой – выявить “посредническую” функцию языка между человеком и внеязыковой реальностью и показать, что язык и сам несет отпечаток человеческих способов освоения реальности, и в то же время, будучи средством концептуализации этой реальности, воплощением наивной (языковой) картины мира, накладывает отпечаток на восприятие реальности человеком – восприятие “сквозь призму языка” (ср. работы Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995] и других представителей Московской семантической школы; публикации группы “Логический анализ языка” под руководством Н.Д. Арутюновой, а также работы А.Е. Кибрика по типологии [Кибрик 1992], где реализуются принципы когнитивного подхода к семантике и грамматике).

В западной лингвистической науке структуралистскому и генеративистскому подходу противостоит такое (теперь уже очень мощное) направление, как когнитивная лингвистика (см. подробнее обзор [Рахилина 1998а]). Когнитивная лингвистика предложила ряд плодотворных идей, в частности – идею прототипа. Как показала А.Вежбицкая, идею прототипа не следует абсолютизировать, тем не менее понятие прототипа имеет несомненную эвристическую ценность при решении ряда лингвистических проблем (ср. [Вежбицкая 1996]). В данной работе мы будем использовать понятие прототипического объекта и прототипической ситуации, а также одну из фундаментальных идей когнитивной семантики о принципиально единой природе языковых и других когнитивных механизмов и процессов и об их принципиальной связанности с природой человека.

Если исходить из существования общих принципов организации разных видов человеческой деятельности, включая языковую (от простого – к сложному; от освоенного – к неосвоенному; от “наглядного”, наблюдаемого – к абстрактному, ненаблюдаемому, и т.п.), то нужно допустить, что существует сравнительно небольшой круг наиболее освоенных, “обиходных” ситуаций и объектов, в частности – круг “основных”, фундаментальных для человека действий, определяемых его основными природными и социальными (в рамках данной культуры) потребностями. Это своего рода прототипический набор базовых видов действий.

* Работа выполнена при поддержке INTAS (проект № 96-0085) и Российского гуманитарного научного фонда (проект № 99-04-00262а).

Такие базовые действия (а также, разумеется, базовые состояния, события и отношения) описываются основными “корнями”, соответствующими основным типам положения в пространстве (*стоять, сидеть, лежать*), основным типам движения (*идти, бежать* и т.д.); основным способам перемещения объекта (*брать, ставить, класть, бросать, нести, тянуть*), основным способам преобразования объекта и воздействия на объект (*резать, рвать, тереть, гнуть, ломать, бить, жечь, мочить* и т.д.) и другим “основным” жизненным ситуациям - биологическим (*есть, пить, спать* и т.п.); посессивным (*дать, взять, иметь* и т.п.), перцептивным (*видеть, слышать*); речевым и др. (для “приставочных” языков типа русского важны также комбинации этих основных корней с основными приставками (ср. *сорвать, выпить, принести* и т.п.). То же самое относится к существительным, обозначающим “основные” объекты; прилагательным, обозначающим базовые свойства; “основным” местоимениям, и т.д.

Затем этот класс основных (и освоенных) объектов и ситуаций постепенно расширяется и пополняется новыми, неосвоенными. Как происходит такое расширение, каким образом языковая способность позволяет человеку описывать с помощью языка все новые жизненные ситуации?

Хорошо известно, что человек не придумывает новых корней (новые корни появляются в языке в результате заимствования либо в результате переработки или опрощения основ – то есть из “старых” корней). С некоторой долей условности можно сказать, что человек не придумывает и новых слов – он просто использует возможности существующих в языке продуктивных словообразовательных моделей, “активизирует” ранее не использовавшиеся, но потенциально существующие слова. Следовательно, потребность в обозначении новых объектов и ситуаций обеспечивается главным образом (хотя и не абсолютно) за счет использования уже существующих языковых единиц в новых значениях, то есть за счет полисемии.

В настоящей работе, на материале глаголов перемещения объекта из “основного списка” СТАВИТЬ и КЛАСТЬ, мы хотим обсудить основные механизмы семантического развития (образования производных значений) слова, происходящие при его “распространении” на новые типы ситуаций; в первую очередь нас будут интересовать:

- система неметафорических значений глагола;
- роль семантических характеристик актантов в семантике глагола и механизмах семантического сдвига;
- связь производных значений с исходным и возникающая при рассмотрении семантического развития слова проблема инварианта.

2. О ЕДИНСТВЕ МЕХАНИЗМОВ СЕМАНТИЧЕСКОГО СДВИГА

Давно замечено, что не существует жесткой границы между лексикой и грамматикой. Одни и те же значения в разных языках могут выражаться как лексически, так и грамматически. Для когнитивного подхода существование единых механизмов функционирования и преобразования языковых единиц разных типов и разных уровней (лексического и грамматического) – один из основных постулатов. Надо заметить, что в отечественной лингвистике этот постулат уже давно был осознан и реализован, – например, в концепции Ю.Д. Апресяна, предложившего единый подход и единый метаязык (язык толкований) для семантического представления лексических и грамматических значений и для описания взаимодействия этих значений (правила сочетаемости значений лексем со значениями грамем, см. [Апресян 1980]; правда, в основе такого подхода лежит другая идея – идея интегрального описания языка и необходимости взаимной “настройки” словаря и грамматики, см. [Апресян 1986]).

Единство лексики и грамматики обнаруживается и в сфере полисемии.

Существующий в языке набор грамматических показателей – это совокупность характеристик, которые язык (и говорящий) приписывает объектам и ситуациям. В контекст грам-

матического показателя “вставляется” некоторая лексема; и “на выходе” этой операции лексеме должна быть приписана соответствующая грамматическая характеристика. Например, в контекст показателя единственного или множественного числа вставляется любое “существительное” (корень, основа).

Однако результаты такого соединения не являются простой суммой значений основы и граммеы: в зависимости от семантики основы меняется и интерпретация самого грамматического значения. Только существительные, обозначающие счетные объекты, имеют стандартную интерпретацию числовой формы (‘один / больше одного’); у существительных других семантических классов (вещественных, собирательных и т.п.) интерпретация числовой формы меняется.

Аналогичным образом можно рассматривать лексическую систему (в нашем случае – ее глагольную подсистему).

Совокупность глаголов – это тот фонд, который язык предоставляет говорящему для описания мира. Прототипический глагол обозначает динамическую ситуацию – изменение. Основной, базовый лексический фонд задает классификацию ситуаций, а именно – типов изменений, типов событий, которые могут происходить с объектами, подобно тому как “грамматический фонд” задает множество признаков, которые могут быть приписаны в данном языке объектам и ситуациям. “Базовый” глагол в исходном значении можно рассматривать как некоторую семантическую схему, семантическую модель изменения состояния объекта (в результате действия человека или под влиянием других факторов), в которую может быть “подставлен” любой объект. Например, существуют типы изменений ПОСТАВИТЬ, РАЗБИТЬ, ПОДВИНУТЬ, СЖЕЧЬ, и соответствующий глагол описывает, что происходит с объектом, когда его ставят, разбивают, двигают, сжигают и т.д.

В действительности, однако, в ситуации, соответствующей базовому значению глагола, может “принять участие” отнюдь не любой объект, а объект, удовлетворяющий определенным ограничениям. Если бы таких ограничений не было, то по мере появления в опыте и внеязыковой практике человека новых объектов просто расширился бы круг актантов без изменения значения глагола, т.е. полисемии не существовало бы. На самом деле одновременно происходят два противоположенных семантических процесса: с одной стороны, круг актантов расширяется, и глагол “вбирает” все большее количество новых объектов – и в этом смысле исходное значение и прототипическая ситуация действительно выступают как источник некой “абстрактной схемы”, под которую “подводятся” разные объекты; но с другой стороны, происходит “приспособление” глагола к новым типам объектов, семантическое согласование с их признаками, что приводит к более или менее заметному сдвигу значения и формированию новых, производных значений.

Например, действию ПОДНЯТЬ соответствует исходная прототипическая ситуация с определенными параметрами и определенными значениями этих параметров: глагол *поднять* в исходном значении относится обычно к упавшему или лежащему на полу (на земле, т.е. внизу) объекту; человек (обычно) наклоняется, берет этот объект (обычно) рукой и перемещает (обязательно) снизу вверх. Можно *поднять с пола упавшую ручку, кошелек, ключ*, но, например, не (растущий) *цветок* – цветок *срывают* (отделяют от места “прикрепления”).

Носитель языка сравнивает подлежащий языковому обозначению “денотативный материал” с прототипом и решает на основании имеющихся у него признаков, “подводим” ли он под прототип и можно ли его обозначить глаголом *поднять*. Если возникает потребность в обозначении ситуаций со сходными значениями каких-то параметров (пусть и не всех), исходная единица “применяется” и к этим ситуациям, ср. *поднять чемодан* (взять не упавший, а просто стоящий на земле объект, чтобы его держать или нести); *поднять руку* (объект – часть тела); *поднять шлагбаум* (объект прикреплен и может принимать горизонтальное и вертикальное положение) – и т. д. Однако в результате расширения сферы приложимости исходной единицы происходят соответствующие модификации значения.

Роль изменения контекста здесь принципиально та же, что и в грамматике, а сами правила сочетаемости вполне аналогичны правилам соединения грамматических значений с лексическими и базируются на сходных семантических ограничениях: в контексте имен “обычных” (дискретных) объектов глагол имеет основную (исходную) интерпретацию, при изменении типа объекта (например, на вещественный или абстрактный) интерпретация меняется (происходит сдвиг значения). При этом, разумеется, значимые для лексемно-лексемных правил сочетаемости классы лексики гораздо более дробные, одно и то же существительное может входить по разным признакам в разные классы, и т.д. (например, если для грамматики имена предметов и лиц – это один и тот же класс счетных существительных, то для лексики это обычно разные классы с разными свойствами).

Если изменения типа актантов не происходит, то нет причин для изменения значения глагола. Что же касается самих изменений в типах актантов, то это не обязательно категориальный сдвиг, т.е. “радикальная” замена одного класса актантов на другой (ср.: *разбить бокал – разбить надежды*), но и, например, “специализация” того же самого объекта, когда он выступает в особом качестве, как носитель каких-то специальных свойств и тем самым – как другой, новый объект, ср.: *положить деньги в карман – положить деньги в банк; поставить капкан на пол – поставить капкан на лису*. Аналогичные процессы происходят и в грамматике. Так, интерпретация соединения значений граммы числа и “корня” может меняться не в результате категориального сдвига (например, от счетного, конкретного к вещественному или абстрактному), а под влиянием других факторов – например, при изменении типа референции счетного существительного, ср.: *Опять пришел этот читатель – Нынешнего читателя интересуют главным образом детективы*.

Таким образом, общим и единым механизмом семантического сдвига для предикатных слов (и других “признаковых” единиц) является

1) изменение типа актанта – и соответствующие изменения ограничений на актанты (синтагматический фактор).

Среди других важных факторов, влияющих на семантические изменения и тип производного значения, можно выделить:

2) семантическую парадигму (класс) глагола и тип исходного значения (парадигматический фактор);

3) семантический процесс (метафорические и метонимические переносы; расширение и сужение значения).

3. ОГРАНИЧЕНИЯ НА АКТАНТЫ В ИСХОДНОМ ЗНАЧЕНИИ

Как исходные, так и производные значения глагола существенным образом связаны с семантическими характеристиками актантов. Поэтому, в принципе, при каждом глаголе должны быть указаны семантические ограничения на актанты, то есть заданы классы объектов (и соответствующих существительных), заполняющих его валентности. Для глаголов действия речь идет прежде всего о валентностях субъекта и объекта (Агенса и Пациенса). Однако в словарях при исходных значениях (в отличие от производных) такие ограничения обычно не указываются. Почему?

Ограничения на субъект не отмечаются в силу их тривиальности: субъектом глаголов действия является лицо, поскольку в прямом, исходном значении они обозначают действие человека.

Однако ограничения на объект (для исходного значения) тоже обычно не оговариваются, что, разумеется, не означает, что такие ограничения отсутствуют и объектом физического действия может быть что угодно. Просто существуют некоторые общие представления о прототипическом объекте физического действия, которые релевантны на всем семантическом пространстве глаголов действия.

Естественным (и в этом смысле тривиальным, но лингвистически очень существенным) когнитивным основанием для формирования представлений о прототипическом объекте физического действия и для объединения объектов в классы является сам способ обращения человека с объектами. Поскольку большинство действий производятся руками или с помощью рук, обычным, прототипическим объектом физического действия является предмет, который человек может держать в руках или руками и которым он может манипулировать. Именно такие “манипулируемые” предметы составляют самый большой класс объектов физического действия.

Назовем такие ограничения онтологическими импликациями объекта – поскольку они следуют из того, что данный предмет является объектом некоторого действия (“Если человек совершает действие Р с объектом Y, значит, физические характеристики (вес/размер и т.п.) Y-а позволяют производить с ним данное действие”). Такие ограничения, конечно, никогда не будут указываться в словарях в силу их очевидности и тривиальности, но они учитываются говорящими как при обозначении действий (формировании языковых выражений), так и при интерпретации языковых выражений.

Конечно, в классе дискретных объектов выделяются более “образцовые”, прототипические (такие, как ручки, шляпы, стаканы и яблоки) и менее прототипические, периферийные – это большие и тяжелые объекты (такие, как, например, мешки, телеги, шкафы), или фиксированные объекты (дома, растущие деревья и т.п.). Мешки и шкафы, в отличие от шляп и яблок, – это объекты, по размерам и тяжести сопоставимые с человеческим телом, которые человек обычно не может держать в руках и которые предполагают особые способы обращения с ними. “Трудные” действия, требующие “заметных” усилий, отмечаются, маркируются языком с помощью специальных глаголов, а в словарях у таких глаголов достаточно последовательно выделяются семантические компоненты типа ‘с трудом’, ‘тяжелый’ и т.п., ср. *тянуть (бревно) / тащить (мешок)* (vs. *нести чемодан* – а если *тащить чемодан*, значит, он “заметно”, ощутимо тяжелый и это специально обозначается); *свалить/повалить (столб)*; *стянуть* (‘медленно или с трудом снять’; МАС) *сапог* (vs. *сбросить пальто*). Конечно, в некоторых ситуациях различия по размеру и весу нерелевантны, как бы нейтрализованы (так, не выделяется двух разных значений *красить* для *красить стену* и *красить табуретку*, хотя в других отношениях эти объекты существенно отличаются, – например, табуретку можно нести и ставить, а стену – нет).

Есть и более конкретные (но тоже вполне тривиальные) ограничения, связанные с тем, что предметы являются объектами каких-то конкретных видов действий. Эти ограничения “согласованы” с семантикой глагола (типом действия) и в каком-то смысле дублируют ее: из того, что X разбил Y, следует, что Y бьется (например, разбить можно чашку, но не бумагу, – и если чашку, то не пластмассовую). Следовательно, прототипическими объектами действия РАЗБИТЬ являются бьющиеся предметы (точнее, те, которые человек МОЖЕТ разбить путем бросания на землю или путем удара обо что-либо, ср.: *разбил ружье о камень* – ударом).

Такие ограничения отражают (а скорее даже – дублируют) “пассивные” свойства объекта – пассивные, потому что Пациент чему-то подвергается (ср. пассивно-качественное значение (‘возможность подвергнуться данному типу воздействия/изменения’): *бьется* – ‘может быть разбито’; *гнется* – ‘может быть согнуто’; и т.п.).

Некоторые типы объектов (в первую очередь – артефакты) имеют специальные свойства и функции, которым соответствуют предикаты, обозначающие их способ функционирования или использования человеком: если нож функционирует, то он режет, если ручка – то она пишет; если яблоко используется человеком – его едят, если шляпа – ее носят, и т.д. Такие существительные в толковании имеют семантический предикат (ср. [Рахилина 1991а; 1991б]), который “согласован” с соответствующим “специальным” глаголом. Так, у слов *шляпа*, *пальто* и т.д. будет в толковании предикат ‘носить’, а у соответствующего значения глагола *носить* будет ограничение ‘одежда’. Назовем такие ограничения специальными

свойствами объекта. Специальные свойства – это функции артефактов, для выполнения которых они (артефакты) и создаются человеком, а также свойства “естественных” объектов, которые человек использует специальным образом. Такие ограничения, как специальные свойства объекта, типичны для производных значений и часто (хотя и не всегда) отмечаются в словарях.

Дискретные физические объекты далее будем называть просто **физическими объектами**, или **предметами**.

Предметам противопоставлены другие классы объектов, которые имеют особые свойства и обслуживаются либо особыми значениями глаголов физического действия, либо специальными предикатами:

- **вещества** (которые ведут себя иначе, чем дискретные объекты);
- **люди** (действиям, даже физическим, с людьми, равно как и с другими живыми существами, обычно соответствуют особые значения глаголов);
- **части тела человека**.

Кроме того, все физические объекты противопоставлены

- **нефизическим** (которые, попадая в сферу действия физических глаголов, превращают их в метафоры).

4. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

Итак, глагол в исходном значении задает определенный тип базовой ситуации – то есть тип события, которое может произойти с объектом. Это такие типы ситуаций, как местонахождение, перемещение, деление на части, создание, уничтожение и т.п. Однако глаголов, которые служили бы общим обозначением такой ситуации, не существует (по крайней мере, в русском языке). Например, есть ситуация деления объекта на части, но нет общего глагола со значением деления на части (таковым не является и сам глагол *делить*), а есть несколько конкретных глаголов, которые фиксируют несколько конкретных способов деления на части – *рвать*, *резать*, *пилить* и т.д.

Точно так же, есть общая семантическая схема ‘поместить что куда’ (или ‘каузировать находиться где’). Эта схема имеет различные денотативные реализации. Например, есть семантическое противопоставление по способу перемещения объекта, ср. *положить* (рукой) vs. *бросить* (объект летит/падает). Есть другое семантическое противопоставление, связанное с конечным положением объекта – вертикальным или горизонтальным, которое реализуется в виде двух разных глаголов *ставить* vs. *класть*.

Таким образом, общая семантическая схема (тип ситуации) представлена (концептуализована) целой семантической группой (парадигмой) глаголов, а конкретные глаголы такой группы соответствуют различным “регулярным” (культурно значимым и денотативно различимым) реализациям, спецификациям, денотативным вариантам этой ситуации (подобно тому как есть фонема и есть ее контекстные реализации). От вхождения в различные парадигмы и внутриязыковые оппозиции (то есть от “общей идеи” семантической группы и “частных” дифференциальных признаков в рамках той или иной оппозиции) зависит не только тот набор характеристик ситуации, который выделен и закреплен данной языковой единицей (как это было показано еще Ф. де Соссюром), но и состав ее производных значений.

5. СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

При рассмотрении семантических процессов, приводящих к изменению исходного значения, в лингвистической литературе, наряду с метафорическими и метонимическими переносами, обычно выделяются еще такие типы семантических сдвигов, как генерализация

и специализация (ср. [Dirven, Verspoor 1998: 34-36]), или “расширение” и “сужение” значения (см. [Ullmann 1963; Гак 1972]).

Поскольку очень большое количество значений глаголов перемещения объекта не являются ни метафорическими, ни метонимическими, то их, очевидно, следует трактовать как расширение или сужение исходного значения. Однако что значит “расширение” и “сужение” применительно к лингвистическому материалу? Мы заключаем эти термины в кавычки, поскольку расширение и сужение значения (понятия), будучи логическими операциями, не вполне соответствуют “эмпирическим” принципам работы языковых механизмов и их не следует понимать слишком прямолинейно и буквально. Как показывает анализ языкового материала, “логическое” расширение и сужение значения (увеличение или уменьшение объема понятия) не характерно для процессов семантической деривации и в чистом виде встречается крайне редко.

К немногим известным нам случаям чистого расширения можно отнести семантическое развитие слова *тренажер* (как оно зафиксировано в словаре “Новые слова и значения”, М., 1984): в современном значении это “Учебный аппарат для отработки каких-либо профессиональных навыков”, первоначально это слово относилось к аппаратам, на которых летчики отрабатывают навыки полета. Здесь действительно увеличивается объем понятия. Однако, во-первых, очевидно, что слово *тренажер* в силу своей внутренней формы может использоваться при обозначении любого механизма для отработки каких-либо навыков и лишь по случайным причинам (относящимся к развитию техники, а не языка) первоначально обозначало не весь класс, а лишь один подкласс таких механизмов; во-вторых, *тренажер* – это существительное (то есть слово, обозначающее класс объектов, у которого действительно есть объем). К случаям специализации значения, приводящим к сужению объема (экстенционала), можно отнести *шарик* в значении ‘рабочая деталь шариковой ручки’ (т.е. это более узкий и специальный подкласс шариков).

Глаголы устроены иначе, и здесь приходится учитывать одновременно два фактора: изменение значения глагола и изменение класса референтов, к которому приложимо это значение.

Процесс расширения значения глагола мог бы выглядеть следующим образом. *Сорвать* предполагает класс растущих объектов типа цветов и плодов и толкуется в словаре так: ‘надломив, отделить от стебля, корня и т.п. (ветку, цветок, лист и т.п.)’ (МАС). Если значение утратит специфичный признак (‘надломив’) и сохранит общий смысл ‘отделить от корня’, то одновременно с этим должен расширяться и класс референтов (от цветов, плодов и листьев до любых растений): ‘отделить от корня то, что растет, растение’. Но под это новое, “расширенное” значение будут “подпадать” и ситуации типа *срубить дерево* (ведь это тоже ‘отделить от места прикрепления’). Очевидно, что практически этого никогда не происходит. Значение глагола действительно может расширяться, становиться более “абстрактным” в смысле утраты каких-то специфичных, конкретных признаков исходной ситуации. Однако при этом обычно появляются новые признаки; кроме того, происходит не расширение исходного класса референтов, а замена на другой (причем очень часто не на более широкий, а на более узкий - если эти классы вообще сопоставимы).

Использование термина “генерализация” (вместо “расширение”) тоже мало что проясняет. Если под “генерализацией” понимать переход от более конкретных объектов к более абстрактным, то лингвистам хорошо известен тот факт, что более абстрактные значения нередко имеют более лексикализованную сочетаемость (по сравнению с более конкретными исходными). Если в исходном значении сочетаемость семантическая, т.е. предполагает открытый (и в этом смысле относительно широкий) класс объектов, удовлетворяющих семантическим требованиям глагола, то во многих производных значениях сочетаемость лексическая или даже фразеологическая (то есть задается списком имен, подлежащих запоминанию), – и в этом смысле более узкая.

Несколько более ясный смысл можно придать термину “специализация” – “те же” объекты (подкласс исходного класса) как носители специальных свойств, см. разделы 2 и 3. Например, значение *поднять руку* в каком-то смысле является более узким, чем основное значение *поднять* (*с пола* – что угодно), так как распространяется только на “специальные объекты” – части тела. Ситуацию поднятия части тела можно рассматривать как частный случай (подкласс) ситуации перемещения объектов из нижнего положения в верхнее. Однако значение *поднять руку* не является “частным случаем” (буквальным сужением) исходного значения (*поднять ручку с пола*), так как руки и другие части тела – это не подкласс объектов, которые поднимают с пола; скорее оба эти значения являются вариантами реализации и конкретизации некоторой более общей идеи, семантической модели – ‘переместить объект в более верхнее положение’.

Таким образом, термины “расширение” и “сужение” значения в буквальном, логическом смысле к производным значениям глаголов неприменимы, и ниже они будут использоваться с учетом сделанных оговорок.

6. ОБЗОР СИСТЕМЫ ПРОИЗВОДНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛОВ *КЛАСТЬ* и *СТАВИТЬ*

Параметры прототипической ситуации

Способ. Глаголы *положить* и *поставить* в исходном значении и соответствующие прототипические ситуации предполагают перемещение объекта рукой.

Место/Пространство. Важный признак для описания системы значений глагола *положить* – характеристика Места (пространства), в которое помещается Объект. Основное семантическое противопоставление здесь – открытое место (плоскость) vs. закрытое пространство (вместилище). Отметим, что изменение типа пространства (наряду с изменением типа объекта) – один из наиболее распространенных семантических сдвигов в значениях глаголов перемещения объекта и вообще глаголов, содержащих смысл ‘движение’, ср.: *выбросить записку в окно/из окна* (‘переместить из более закрытого физического пространства в более открытое’) vs. *выбросить старые ботинки* (‘удалить из личной сферы’ – другой тип пространства); *попасть в квартиру* vs. *попасть в институт*; *В коридоре он встретил Машу* vs. *В этом городе он встретил свою будущую жену* (подробнее об этом см. [Кустова 1999а; 1999б]).

Для *ставить* признак открытости / закрытости пространства не столь существен, но важен (как и для *класть*) другой, семантически связанный с ним признак актуальной наблюдаемости, восприимчивости (“видимости”) объекта.

Цель – важный параметр, который меняет свое значение в процессе семантической деривации. Мы будем различать тривиальную цель, которая обычно не отмечается в словаре, так как совпадает с результатом (*положить* – ‘чтобы лежало’), и специальные цели. Тривиальная цель, конечно, не исчерпывается результатом, а имеет какие-то семантические приращения (‘чтобы не держать в руках, освободить руки’ – *Что ты держишь чемодан, поставь*; ‘для временного “хранения” вещи’ – *положи пока куда-нибудь, положи на виду*; ‘для более длительного хранения’ – *положи инструменты на место* → ‘где им полагается лежать’; и т.п.).

Семантическая парадигма

Для системы производных значений *класть* и *ставить* важна не только их противопоставленность друг другу, но и их производность (во всяком случае – семантическая) от *лежать* и *стоять*. Если мы выделим две фазы в действии *положить* / *поставить* – динамическую фазу (‘X поместил Y в Место’) и фазу результата, – то последняя будет описываться предикатами *лежать* / *стоять* (‘Y лежит / стоит’). Подробный анализ семантических зако-

номерностей употребления “позиционных” предикатов *лежать* и *стоять* дан в работе [Рахилина 1998б]), где показано, что в большинстве значений *стоять* подчеркивается функциональность объекта (ср. *тарелки стоят на столе* - готовы к использованию), а при употреблении *лежать* подчеркивается, что объект “как бы отделен от своей функции” [там же: 72], не используется (ср. *Где у вас лежат тарелки?*). Для нашего материала важно как “пространственное”, или “дескриптивное”, значение *лежать* и *стоять* (‘находиться в горизонтальном / вертикальном положении’, ср. *лежать на диване, бревно лежало на дороге; лыжи стояли в углу*), так и “функциональное”, которое мы иногда будем называть “классифицирующим” (‘находиться’ – применительно к определенным классам объектов в определенном состоянии, ср. *деньги лежат в банке; в конце стоит точка*).

I. Исходное значение - прототипическая ситуация¹

КЛАСТЬ 1.1. ‘Помещать куда-л. в лежачем положении’: *Клади щенка на пол; Зачем кладешь бревно на дороге?*

Объект – дискретный, неприкрепленный, относительно небольшой физический предмет, который человек в состоянии держать в руке (в руках);

Место – открытое (плоское);

Цель – тривиальная; обычно – поместить Объект в Место, откуда его при необходимости можно будет взять (так сказать, для хранения);

предикат динамической фазы – ‘переместить рукой / руками’;

предикат фазы результата – ‘У лежит’ = ‘находится на поверхности Места в горизонтальном положении’;

управление глагола - *положить НА*.

Компонент ‘в горизонтальном положении’ согласован с характеристикой Места (открытое и плоское) и характеристикой объекта – это такой объект который может принимать как горизонтальное, так и вертикальное положение (т.е. лежать или стоять: книга – на столе или на полке, дерево – растущее или срубленное, и т.п.) или который может быть размещен на “плоскости” и в норме, по своим топологическим характеристикам, *лежит* (лист бумаги, ткань и т.п.).

СТАВИТЬ 1.1. ‘Придавать чему-л. стоячее положение, располагать, укреплять в стоячем, вертикальном положении’: *ставит лестницу к стене; ставит книги в шкаф*.

Именно в значении ‘лежать на’ глагол *лежать* (соответственно – *класть*) противопоставлен глаголу *стоять* (соответственно – *ставить*) по признаку ‘горизонтальное vs. вертикальное положение’. При этом для *класть 1.1.* важна не просто “открытость” Места (*на*), а зрительная воспринимаемость (актуальное восприятие) объекта – как, между прочим, и для *ставить 1.1* (независимо от управления – *ставить в / на*), см. ниже.

Компонент ‘горизонтальное/вертикальное положение объекта’ в исходном значении акцентирован, коммуникативно выделен.

II. “Расширение”

КЛАСТЬ 2.1. ‘Помещать куда-л.’: *класть деньги в карман / вещи в чемодан*.

Объект – дискретный неприкрепленный физический предмет, который человек в состоянии держать в руке (в руках);

Место – закрытое пространство (вместилище);

Цель – временное нахождение (хранение) Объекта в Месте;

предикат динамической фазы – ‘переместить рукой / руками’;

¹Здесь и далее толкования приводятся из МАС, а также некоторые примеры (в сокращении).

предикат фазы результата – ‘У лежит’ = ‘находится’;
управление глагола – *положить В*.

Исчезает или становится нерелевантной характеристика У-а “в горизонтальном положении”. Объекты могут быть те же самые (ср.: *класть деньги на стол* – *класть деньги в кошелек*), но меняется тип пространства (закрытое) и значение “внутреннего” предиката ‘лежать’ – с дескриптивного на классифицирующее. Кроме того, *класть 2.1* может относиться и к таким объектам, которые по своим топологическим характеристикам *стоят* – в этом случае актуализируется “функциональное” значение внутреннего предиката ‘лежать’ (‘не использоваться, не функционировать’), ср. *посуда стоит на столе* – *посуда лежит в шкафу*. Однако для *класть / лежать*, как и для *ставить / стоять* чрезвычайно важен еще один признак – зрительная воспринимаемость, актуальная наблюдаемость объекта. Например, кастрюля может стоять на столе и лежать в шкафу (не используется, не функционирует, ср.: *Где лежит большая кастрюля?*). Но если мы заглядываем в шкаф, мы вряд ли скажем *Вот лежит кастрюля*; скорее – *Вот стоит кастрюля*. Ботинок на полу может и *лежать*, и *стоять* (хотя он не используется, но его видно); ботинок в коробке *лежит*; книги *лежат в портфеле* (в закрытом пространстве), даже если они расположены вертикально, так как их не видно. Но если они “видны”, зрительно воспринимаются, “пересиливает” пространственный аспект: *Одни книги стоят, а другие лежат* значит именно ‘вертикально’ и ‘горизонтально’ в ситуации, когда мы их видим или хотя бы представляем (а не то, что одни книги “функционируют”, а другие – нет).

Таким образом, на употребление *класть / лежать* и *ставить / стоять* влияет идея актуальной воспринимаемости (‘не видно’ / ‘видно’). Перцептивную составляющую едва ли можно считать компонентом значения глагола, но она безусловно присутствует в прототипической ситуации, причем, имеет разное происхождение – у *лежать* это “открытость” места, у *стоять* – вертикальность, “возвышенность” положения: *класть 1.1* – ‘видно’ (потому что на открытом месте, “на виду”); *ставить 1.1* – ‘видно’ (потому что стоящий, вертикальный, возвышающийся предмет виден лучше, чем лежащий); *класть 2.1* – ‘не видно’ (потому что в закрытом пространстве). При этом “не-видность” (нахождение в закрытом пространстве) и “не-функционирование”, безусловно, связаны (как и “видность” с функционированием). Предметы, которыми не пользуются (которые не функционируют, то есть “лежат” в смысле [Рахилина 1998б]), обычно помещаются для хранения в специальные “контейнеры” (коробки, футляры, холодильники) или специальные помещения – хранилища (чуланы, сараи, погреба, гаражи и т.п., ср. *склад* – от *класть, складывать*), – то есть в такие места, где их, вообще говоря, не видно; тем самым предметы, которые “лежат” (в смысле ‘не используются’), находятся не “на виду” – в отличие от предметов, которые “стоят”.

Если исходить из толкования значения 2.1 в МАС (‘помещать куда-л.’), то это типичный случай расширения: значение, утрачивая признак “в горизонтальном положении”, тем самым расширяет сферу приложимости (‘поместить что угодно куда угодно в каком угодно положении’). Это, конечно же, не соответствует действительности: во-первых, глагола с такой широкой сочетаемостью в русском языке, по-видимому, вообще не существует (например, использование глагола *поместить* применительно к такому широкому кругу объектов приводит к образованию неидиоматичных и даже неправильных выражений, ср. *? поместил рубль в кошелек; ? поместил платок в карман; *поместил сахар в чай*; и т.п.); во-вторых, значение *класть 2.1* в таком случае не отличалось бы от *ставить 1.2* (‘помещать куда-л., располагать где-л.’), чего не происходит. На самом деле значение *положить 2.1* (которое, может быть, и является в каком-то смысле более “общим” по сравнению с *положить 1*) утрачивает один признак (‘горизонтальное положение’), но одновременно приобретает другой (‘закрытое пространство’).

СТАВИТЬ 1.2. ‘Помещать куда-л., располагать где-л.’: *ставить посуду на стол / утюг на плиту / кресло к окну / автомобиль в гараж // микстуру на свет / больные ноги в теплую воду.*

Ставить 1.2. применяется к предметам, которые в силу своих топологических свойств имеют некоторую стандартную пространственную позицию – в норме “стоят” (ср. стаканы, утюги, кресла, машины); а если они лежат “на боку”, то это ненормальное, “перевернутое”, опрокинутое положение. Таким образом, *ставить 1.2.* содержит те же компоненты, что и *ставить 1.1.*: ‘вертикальность, находиться, место’. При этом ‘вертикальность’ из дифференциального компонента превращается в интегральный, “сопровождающий” (в “наполнитель”), а коммуникативный акцент переносится на Место: утюги, кресла и машины *ставят*, а не *кладут*; и важно не то, что они стоят, а где именно они стоят (куда именно их ставят).

Здесь возникает некоторая семантическая коллизия между ‘вертикальностью’ и ‘функциональностью’ (в смысле [Рахилина 1998б]). На стол тарелки можно только *поставить*, но в буфет можно и *положить* (‘лежат’ = ‘не используются’). Однако машину в гараж можно только *поставить*, но не * *положить*: машина (если не “на боку”) всегда *стоит* – не важно, стоит она на улице или в гараже (закрытом пространстве), используется или не используется. То есть у больших, “не-манипулируемых” объектов “переси-ливает” пространственная интерпретация (у небольших, но топологически “стоящих” часто происходит то же самое: например, чайник в шкафу, скорее, *стоит*).

Другой важный фактор, регулирующий выбор *положить (лежать)* или *поставить (стоять)* – актуальная восприимчивость, “видимость” объекта (см. выше).

Ограничение на способ (руками/рукой) может утрачиваться (и это один из признаков расширения), ср. *поставь машину в гараж* = ‘отгони’.

Изменения может претерпевать и компонент ‘Место’, но не такие, как у *положить*. Открытость/закрытость пространства здесь несущественна (ср. *поставить тарелку на стол / под стол / в холодильник; кресло к окну / у стены* и т.д.). Но может быть существенно то, что предмет ставят не просто в “место”, а в такое место, в место со специальными свойствами, специальными условиями пребывания объекта (на свет / в холодильник / в теплую воду), ср. *Поставь цветы в вазу*: подразумевается – в воду, а не в пустую вазу (ср. также еще одну характерную ситуацию, не указанную в словаре: *поставь чай / чайник; поставила суп* (вариться); *поставь воду для картошки; поставь кастрюлю на слабый огонь* и т.п. – означает ‘поставить на зажженную плиту (на огонь/на газ) с целью подогреть / вскипятить / сварить’). Таким образом, компонент ‘Место’ может “специализироваться” и осложняться компонентом ‘условия’ и / или нетривиальной целью – а это характерно для сужения значения (специализации), поэтому “расширение” стоит в кавычках. Возникает также вопрос, не следует ли здесь выделить два разных подзначения: “на стол” (‘место’) vs. “на свет” (‘условия’). Однако Место настолько часто имеет специальные свойства, что эти подзначения было бы очень трудно последовательно разграничить.

III. Специализация

ЕДА и ПОСУДА (и другие предметы “обихода”)

КЛАСТЬ

- 5.1. ‘Накладывать (пищу)’:
положить каши на/в тарелку тарелку.

СТАВИТЬ

- 1.3. ‘Давать, подавать кому-л. (какие-л. предметы, посуду)’:
ставь чашку; (ставили ему кресло).
1.4. ‘Подавать на стол для еды’:
ставь на стол все, что есть.
1.5. ‘Угощать’:

ставь пол-литра; ставь угощение.

(а). КЛАСТЬ / ПОЛОЖИТЬ: *положи каши в мою тарелку / положи мне еще котлету.*

Специальный объект – пища;

Дополнительное ограничение – нежидкая (ср. **положить супа / чаю*);

Специальное Место – посуда;

Дополнительное ограничение – посуда, из которой едят, а не в которой готовят: *положи мне еще котлету* = на тарелку; но: *положи котлету обратно на сковородку; положи яблоко на стол* – это исходное значение 1.1.;

Еще одно ограничение: еда тоже обычно такая, которую едят из тарелки (а не держат в руке), ср.: ?*положи мне еще хлеба* → *дай, отрежь* (но если в тарелку - можно);

Специальная цель – для еды.

(б). СТАВИТЬ / ПОСТАВИТЬ

Специальный объект – в основном, посуда (обычно – с едой), но, например, не твердая еда: *ставь ему суп* = тарелку (или кастрюлю) с супом; но не **ставь ему яблоко* – яблоко не может “стоять”.

У *класть* может появляться еще один (факультативный) участник – Инструмент (*класть кашу ложкой*). Но более важно и интересно, что у обоих глаголов появляется новый (по сравнению с исходным значением) и обязательный актанта – Реципиент (R) – “КОМУ” (получатель и потребитель еды – в частном случае кореферентный Агенсу, ср. *положил себе еще каши; у положить* Реципиент менее обязательный, чем у *поставить* и может синтаксически не выражаться, ср. *Положила каши в / на тарелку*; но это все равно для еды – поэтому потребитель “просвечивает” и тут). Тем самым “потребительское” значение *класть / ставить* становится синонимом (или псевдосинонимом) ДАТЬ (показательно, что *ставить* и толкуется через ‘давать’). Этот сдвиг значения является весьма симптоматичным и иллюстрирует более общий механизм семантических преобразований, который состоит в следующем.

Получатель – это участник следующей, смежной во времени ситуации (я кладу – он ест). Такой дательный есть у очень многих глаголов (*связать кому свитер; пришить кому пуговицу; приколоть кому значок* и т.п.). Обычно это сирконстант, но у некоторых глаголов, как у *класть / ставить кому*, реципиент втягивается в число основных участников, т.е. это связь ситуаций метонимического типа (смежность во времени), хотя само значение не метонимическое. Метонимическим было бы обозначение глаголом *ставить (R-у еду)* смежной ситуации “R ест”, чего не происходит. Тем не менее эта ситуация (“есть”), хотя и в качестве цели (‘для еды’), вовлечена в значение *ставить / класть*.

Почему ситуация ДАВАТЬ Y R-у может обозначаться глаголом перемещения объекта СТАВИТЬ / КЛАСТЬ? Ответ очевиден: потому что передача физических объектов предполагает их физическое же перемещение от старого владельца к новому (нельзя утверждать *Я дал ему ключи*, если ключи продолжают оставаться у меня в кармане). Ситуация ДАТЬ имеет разные аспекты: собственно перемещение физического объекта; изменение владельца; разрешение/согласие (речевой компонент, ср. [Rozina 1998]). Сам глагол *дать* акцентирует изменение обладателя, владельца (хотя бы временное). Но у “давания” есть способ, и эту ситуацию можно описать другим глаголом, акцентирующим способ (*вручать, ставить, класть*). Обычно вещь дают в руки (“вру-чают”), но еду обычно кладут в посуду и потом эту посуду ставят перед реципиентом. Давать способом “ставить” можно не только посуду, но и другие вещи – при условии, что они действительно *стоят*, ср. пример из МАС *ставили ему кресло*.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕСТА (и цели)

ПОЛОЖИТЬ 2.2. ‘Помещать на хранение, вносить (в банк, в сберкассу и т. п.)’: *положить деньги в банк*.

Объект – деньги, ценности;

Место – специальное учреждение, принимающее на хранение деньги и ценности;
Цель – хранение (это единственный случай из всех значений *класть*, когда цель указана в словаре).

ПОЛОЖИТЬ 2.3. ‘Помещать, устраивать (в больницу, госпиталь, клинику)’:
класть в больницу.

Объект – человек;

Место – лечебное учреждение;

Цель – лечение.

Здесь инициатором сдвига значения является семантика Места: объект имеет специальное свойство (признак), но это специальное свойство (деньги – ‘ценность’; человек – ‘болен’) и специальная цель перемещения (‘для хранения’; ‘для лечения’) выявляется именно в контексте обозначения Места, которое включает в свою семантику соответствующие свойства и цели и активизирует согласованные с ними признаки в Объекте.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ

(устанавливать для работы, функционирования)

СТАВИТЬ 7.1. ‘Укреплять, устанавливать для работы, действия’: *по-*
ставить телефон / счетчик / дверь / решетки на окна / дисковод / новый замок / капкан на лис (но: заложить мину).

К этому же значению ‘для действия, функционирования’ примыкают:

СТАВИТЬ 7.2. ‘Накладывать, прикладывать к какой-л. части тела с лечебными целями’: *ставить горчичники / банки / пиявки / компресс.*

Специальная цель (функция) – ‘для лечения’.

СТАВИТЬ 7.3. ‘Приделывать, прикреплять к чему-л. при изготовлении, починке’: *ставить подметки / набойку / шелковую подкладку / заплату на рубаху.*

Инициатор сдвига значения – семантика объекта: это обычно артефакт (или объект, приравняемый к артефакту по типу использования, ср. банки и пиявки как лечебные средства), который имеет определенную функцию и “устанавливается” в соответствующем месте для выполнения этой функции. Место является здесь производным от функции: объекты данного класса *ставят* в те места, где они и будут выполнять свою функцию: дисковод – в компьютер; капкан на лис – там, где водятся лисы; горчичники и банки – туда, где нужно лечить; заплату – туда, где порвалось; и т. д.

Словарное толкование *ставить* 7.2. (где используются компоненты ‘на-КЛАДывать’, ‘приКЛАДывать’; а также 8.1. ‘наносить на поверхность; сажать (пятна, синяки)’ с компонентом ‘поверхность’, см. ниже) наводят на мысль о нейтрализации противопоставления *ставить–класть*. В действительности нейтрализации нет: нельзя **ставить краску / пудру (на лоб)* или **класть горчичники / синяки / пятна*.

Значение *ставить* 7 (‘ставить телефон / горчичники / набойки’ и т.п.) основано на функциональной идее (в смысле [Рахилина 1998б]): все эти вещи (телефоны, горчичники, набойки) “работают”, действуют, функционируют, служат каким-то целям – и в этом смысле “стоят”. Это значение не имеет вполне симметричного аналога среди значений *положить* (разве что *положить в долгий ящик* – ‘не использовать’; ср. также разговорно-газетное выражение *промышленность лежит* – ‘не функционирует’).

В случае *поставить горчичники / подкладку* у языка есть выбор между физическим положением объекта (его прикладывают / прикрепляют к поверхности) и его функцией, и этот выбор делается в пользу функции. Впрочем, так происходит не всегда, например, грелка функционирует так же, как горчичник, однако горчичники и компрессы ставят, а грелки кладут: *Положите* (но не **поставьте*) *больному грелку на грудь*. По-видимому, это различие не является случайным распределением значений, а имеет объяснение. Ставят то, положение

чего так или иначе фиксировано: банки, горчичники, заплатки, набойки (ср. компонент ‘укреплять’ в *ставит* 7.1., который активизируется и в ряде других производных значений; ср. также *устойчивость*; *устоять*; *установление*; *поставить на своем* и т.п.). Если объект не фиксирован, то выбирается предикат не функциональный, а пространственный, ср. *класть грелку*; *К ушибленному месту надо сразу же приложить пятак* (и даже фиксированный объект иногда концептуализуется “прост-ранственно”, а не “функционально”, ср. *наложить шину, повязку*).

ЧАСТЬ ТЕЛА – ЧАСТЬ МЕХАНИЗМА – “ВНУТРЕННИЙ МЕХАНИЗМ” – НАЛАДКА

СТАВИТЬ 6.1. ‘Придавать какое-л. положение чему-л., располагать каким-л. образом’: *ставит ногу на носок / ставит пятки вместе / ставит ноги по-строевому*.

Как видно из примеров (но не из толкования!) МАС, объектом здесь является часть тела, причем та, которая стоит (и на которой стоят) – нога или часть ноги (носок, пятка). У *класть* такого значения в словаре не выделяется, – между тем очевидно, что из системных соображений его следовало бы выделить (ср. *положить голову на подушку*; *руку на плечо*; *ноги на стол*), так как вообще отдельное значение для объекта-части тела достаточно последовательно выделяется у разных глаголов перемещения объекта (*по-ставит ногу на ступеньку*; *поднять голову*; *опустить руку*; *повернуть голову*; и т.п.).

СТАВИТЬ 6.2. ‘Приводить в нужное, правильное положение, состояние для какой-либо работы, деятельности’: (а) *ставит часы*. Ср. также: *поставь будильник на семь* (= ‘заведи звонок’); *поставь холодильник на тройку* (= ‘поверни регулятор холода’); но: * *поставь радио на полную громкость* → *Сделай радио погромче*. (б) *Ставит руку начинающему пианисту / ставит голос певцу*.

Голос нельзя просто “привести в правильное положение” подобно стрелке часов; здесь речь идет о развитии какой-то способности, “налаживании” навыков какой-то деятельности, ср. также *ставит удар левой (боксеру)*.

Таким образом, в значении 6.2. объединяются разные контексты (детали приборов и “внутренние механизмы” и способности человека), которые, возможно, следовало бы развести; но зато благодаря такому объединению хорошо прослеживается семантический переход от механического приведения прибора в нужное, правильное, функциональное состояние к приведению в нужное, правильное состояние какой-либо способности человека, а от него – к налаживанию вообще.

СТАВИТЬ 10.1. ‘Налаживать, организовывать’: *Ставил литье на Мотовилихе / Все на прииске придется ставить по-новому / Показал, как надо ставить театральное дело*.

Из этой же серии примеры типа *У вас плохо поставлена работа с населением*.

СТАВИТЬ 11. ‘Осуществлять постановку на сцене’: *ставит оперу / спектакль*. – соединяет в себе “организацию” (“налаживание”) и “зримость”, “зрелищность” (ср. *представить, представление* – ‘то, что перед глазами’; см. ниже).

ВЕЩЕСТВО - ПОВЕРХНОСТЬ - ЗНАК

КЛАСТЬ

3. ‘Накладывать слой чего-л. (краски, пудры); наносить (черты, штрихи)’: *класть краску на холст*; *клат обрывистые штрихи*.

СТАВИТЬ

8.1. ‘Наносить на поверхность; сажать (пятна, синяки)’

КЛАСТЬ 3. ‘Накладывать слой’.

Объект – вещество.

Семантический сдвиг в значении *класть* (совершенно закономерный) объясняется изменением категориальной характеристики объекта: предмет → вещество. Это вещество (краска, пудра) в соответствующей ситуации является Средством: *красить краской, пудрить пудрой*. Как было показано в [Кустова 1997], вещество типа краски имеет двоякую природу и двоякую роль в ситуации физического действия. С одной стороны, оно обладает свойством, воздействующим на Пациенса (краска придает Пациенсу свой цвет), но с другой, оно само подвергается воздействию (перемещению на поверхность Пациенса-Места), и в этом смысле вещество – один из пациентов (“пассивных”, претерпевающих участников ситуации). В русском языке Средство может продвигаться в позицию подлежащего (синтаксического субъекта) – *краска красит, клей клеит* и т.п., но не в позицию прямого дополнения, то есть не может кодироваться как Пациент (**красить краску, *клеить клей, *мыть воду*). Тем не менее, поскольку у Средства есть пациентная составляющая, говорящий может ее акцентировать; но для этого придется использовать другой глагол. Именно такую функцию выполняют производные значения глаголов *класть, накладывать, наносить* (*краску / пудру / мазь / смазочное масло* и т.п.).

Отметим, что здесь, как и в случае с грелкой, снова побеждает не “функцио-нальный” компонент, а “пространственный”. Краску наносят, несомненно, для того, чтобы она функционировала (“окрашивала”), то есть уместным был бы выбор предиката *ставить*; однако вещество слишком отличается по своим категориальным свойствам от дискретных объектов: оно распространяется по поверхности – и поэтому *лежит*.

Таким образом, ключевыми компонентами *класть* 3. являются ‘вещество’ и ‘поверхность’, даже ‘плоскость’ (размещение вещества на “плоской”, т.е. обозримой поверхности – не в закрытом пространстве), что унаследовано от *лежать*, поэтому вполне естественно и закономерно “прояснение” у *класть* коннотации обозримости, зрительной восприимчивости.

СТАВИТЬ 8.1. ‘Наносить на поверхность; сажать (пятна, синяки)’.

Синяки и пятна человек не перемещает с одного места на другое, так что *ставить* здесь означает просто ‘каузировать находиться’, причем каузация неконтролируемая (даже в случае *ставить синяки* контролироваться может только сам удар, но не “по-станровка” синяка).

Синяки и пятна – вещи абсолютно “бесполезные” (и даже вредные), у них нет функции, поэтому они не могут функционировать (служить для чего-то) так, как телефон или капкан. Синяки и пятна “стоят” в бытийном смысле – они находятся на поверхности чего-либо, имеются, существуют. Аналогичное бытийное значение, как нам кажется, можно усматривать в случае *стоит жара; стоят морозы* (‘имеют место’).

При этом синяки, пятна и кляксы находятся на поверхности чего-либо, а для описания такой ситуации существует специальный глагол *класть* (*положить*). Так что выбор глагола *ставить* должен иметь какие-то дополнительные объяснения.

Одним из таких объяснений, возможно, является “зрительная”, “перцептивная” импликация ‘видно’, которая есть у *стоять* и унаследована *ставить*: синяки и пятна, помимо прочего, видны, “на виду”, они бросаются в глаза, привлекают внимание.

Эта импликация активизируется в целом ряде производных значений (от “физических” до самых абстрактных).

Кроме того, важна, по-видимому, идея “фиксированного” положения.

КЛАСТЬ

4.1. ‘Ставить какой-л. знак, метку, делать отпечаток чего-л.’:
класть штамп / штемпель / печать / клеймо.

СТАВИТЬ

8.2. ‘Изображать на письме, делать оттиск на чем-л., где-.’:
ставить печать / подпись / знаки препинания.

У *класть*, как и у *ставить*, есть значение ‘делать знак, отпечаток’ (4.1.) (это значение метонимическое – класть печать на бумагу или другую поверхность и оставлять след), но оно, по-видимому, выходит из употребления, поэтому сосредоточимся на *ставить*.

Ставить печать тоже может иметь метонимическое объяснение: печать как предмет ставят на бумагу, и на тот “след”, который она оставляет, метонимически переносится предикат *ставить*. Однако другие знаки – знаки препинания, подписи, значки и пометки на полях – “рисуют”, изображают. Конечно, здесь обнаруживается и “функциональное” значение *стоять*: когда знаки препинания стоят, они функционируют. Однако это значение нельзя, как кажется, полностью свести к функциональной составляющей. Ведь буквы тоже функционируют, однако к буквам в общем случае не применяются *ставить* / *стоять*, о них говорят: *писать/написаны*. Почему буквы *пишут*, а знаки *ставят*?

Знаки препинания (как и другие знаки – печати, подписи, пометки на полях) – это особые, в каком-то смысле инородные элементы текста, отличные от букв и слов: они выделены, отделены, обособлены от остального текста. Их “привносят” в текст как бы извне – “ставят”, вставляют. Функция знаков препинания – служить “препоной”, каузировать остановку при движении по тексту. И для того, чтобы привлекать внимание, они должны быть отделенными от остального текста, – т.е. “видными”. То же относится и к другим специальным знакам и значкам (ср.: *Поставьте ударение на третьем слоге*).

В то же время в определенных ситуациях и про буквы, и даже про слова можно сказать *стоять* / *поставить*. Обычно такой “подход” связан с какими-то особыми операциями на пространстве текста (не просто чтение и не просто письмо).

Во-первых, буквы и слова тоже можно “вставлять”, привносить извне, если их нет в тексте, ср.: *вставьте пропущенные буквы*.

Во-вторых, буквы и слова иногда специально рассматривают, на них останавливают внимание, когда текст уж написан – и тогда они становятся выделенными, отдельными, обособленными от остального текста знаками: *Слова стоят очень близко, почти вплотную; На конце стоит мягкий знак; Почему у тебя после Ц стоит Ы?*; но: *В корне ЛАГ пишется* (не “стоит”) *А*. Вообще, *ставить* / *стоять* применимо к знакам написанным (которые мы видим), а не произносимым (которые мы слышим). На письме можно *поставить ударение / запятую*, но при произнесении нельзя **поставить ударение / паузу* -- можно только *сделать ударение / акцент / паузу* (и это является, на наш взгляд, вкладом импликации ‘видно’).

Наконец, слова могут рассматриваться как объекты манипулирования, и тогда к ним тоже применимо *ставить*: *модальный глагол ставится / поставьте перед смысловым*.

В некоторых контекстах активизируется смысл ‘фиксированность, закрепленность’, если угодно – ‘статичность’, ср.: *Суффикс – это часть слова, которая стоит после корня* (рассматривается статическое, фиксированное положение в слове); *Суффикс – это часть слова, которая идет после корня* (происходит мысленное движение от начала к концу слова).

IV. Абстрактные объекты

СТАВИТЬ 12. ‘Выдвигать, предлагать’: *Ставить вопрос на обсуждение / резолюцию на голосование / ставить перед собой все новые цели*.

Этот же компонент ‘обозримость, явленность’ (связанный, разумеется, с ‘активизированностью’) присутствует и в значении *поставить вопрос / проблему* – “выставить” на виду, привлечь внимание, сформулировать проблему так, чтобы она стала “видной”, заметной – чтобы ее увидели и осознали (в отличие от *задать вопрос* – спросить, чтобы получить ответ); *поставить ПЕРЕД СОБОЙ задачу* – впереди, перед глазами и, значит, на виду, так, чтобы человек видел эту цель / задачу перед собой и ориентировался на нее (ср. также *поставить на вид* и аналогичные значения у других однокоренных глаголов – *выставить требования; представить себе* – “поместить” на виду, перед глазами).

В случае абстрактных объектов, конечно, уже нельзя говорить о специализации исходного значения. Здесь происходит другой семантический процесс – “перенос” исходной схемы в другое семантическое пространство (выражаясь языком когнитивной семантики – *mapping*, в более традиционных терминах – метафора, причем генерализующая метафора, ср. [Арутюнова 1979]).

V. Объект – человек

СТАВИТЬ 2. ‘Заставлять или помогать кому-л. встать, подняться на ноги или занять где-л. место в стоячем положении’.

Здесь следует выделить, на наш взгляд, два разных подзначения, в точности соответствующих *ставить 1.1.* и *ставить 1.2.*:

– ‘поднять (‘заставить встать’) из горизонтального (лежачего) положения в вертикальное’ (акцент на вертикальности), ср. *Прапоришки трясли спящих людей, ставили на ноги*;

– ‘заставить или предложить занять место, стать куда-л.’ (‘стоя’ – “наполнитель”, интегральный компонент; акцентировано местонахождение), ср. *Куда мы поставим младшую группу хора?; Меня нередко ставили на лавку, около наоя.*

‘Заставить встать (подняться)’ имеет аналог у *положить* (хотя ‘заставить лечь’ в словаре не отмечено), ср.: *Ворвались люди в маски, положили всех на пол.* Ясно, что это не *положить 1.1.* (‘положить руками’), а ‘заставить лечь’ (угрозами и т.п.).

Способ каузации здесь, как правило, речевой, – если человек не в состоянии стоять на ногах, то его и нельзя поставить, значит, ему предлагают стоять (неважно – добром или угрозами).

Вообще “инструментальное” речевое действие характерно при личном объекте, поскольку типичный способ воздействия на человека – речь.

Важная импликация этой ситуации – принудительность, “насильственность” (недобровольность действия объекта) – естественным образом вытекает из того, что раз человек встает не сам (а его ставят), значит, ему это не нужно, не хочется и т.д. В других случаях эта импликация “проясняется” и становится, по-видимому, компонентом значения.

СТАВИТЬ 3.1. ‘Назначать, определять на какую-л. работу, заставлять делать что-л. (обычно стоя)’: *ставить к станку / на пахоту / на пост / на руль / на работу.*

Это значение можно считать значением метонимического типа (ср. *ставить 1.3. кому чашку*): ситуация “заставить стоя выполнять работу” включает и стоячее, вертикальное положение, и “смежную” (связанную) с ним деятельность. “Стоячее” положение (в отличие от “лежачего”) вообще является для человека активным (ср. [Рахилина 1998б]), так что здесь, наряду с вертикальностью, присутствует и функциональность. Кроме того, здесь, как и в *ставить 2.*, проявляется идея принудительности, недобровольности (‘без учета желания Y-а, не спрашивая согласия’); именно она (а не компонент ‘стоя’) определяет выбор глагола *поставить* в тех случаях, когда работа не обязательно связана с физической вертикальностью (ср. *ставить на свеклу; а теперь ее поставили на цыплят*). (Ср. также: *Это слово нужно поставить в дательном надеже / в дательный надеж* – “принудительно” изменить его форму).

СТАВИТЬ 3.2. ‘Назначать на какое-л. место, должность, назначать какое-л. должностное лицо’: *Ставить нового завхоза / ставить в старосты / ставить командиров на должности.*

Хотя в “должностном” значении ожидался бы перенос идеи “высокого” положения (которое имеет стоящий по сравнению с лежащим) в сферу социальных отношений, социальной иерархии, здесь, скорее, по-прежнему доминирует идея принудительности, недобровольности, внешней каузации (‘не сам’), ср. также *посадить на царство*; а идея “высоты” просвечивает разве что в выражении *поставили НАД нами начальником* (кроме того, она привносит

ся “должностными” существительными). Зато в “обратном” действии – *снять* – в социальный план переносится именно идея “сверху или с поверхности” (ср. “физические” значения *снять одежду, кольцо, коробку со шкафа*). Снимают “начальников” (пусть даже очень небольшого ранга), т.е. людей, которые находятся на верхних (относительно высоких) ступенях социальной лестницы: можно сказать *У нас вчера сняли начальника* – но не ? *сняли рабочего; Завотделом сняли с работы* – но не ? *Эту уборщицу давно пора снимать* (ср. также *отставить / отставка* – только с высокого поста). А вот *ставить* могут и начальников на должность (3.2.), и работающих на работу (3.1.).

СТАВИТЬ 13. (кого в какое-л. ПОЛОЖЕНИЕ). ‘Создавать для кого-л. какое-л. положение, условия, обстановку, приводить в какое-л. положение, состояние’.

В этом значении максимально проявляется и выдвигается на первый план смысл ‘принудительность, недобровольность, неконтролируемость со стороны лица Y’, т.к. никаких других содержательных признаков в нем не остается. Причем “принудительность” нужно понимать просто как несоответствие желанием и интересам Y-а, а не как принуждение со стороны X-а. Во-первых, *поставить кого в какое положение* является не обозначением действия X-а, а интерпретацией (оценкой) результата некоторого неназванного действия (*Сказал дерзость и ЭТИМ поставил всех в неловкое положение* – см. [Кустова 1996]); во-вторых, каузатором может быть не только поступок лица X, но и “безличное” событие (*Кризис поставил промышленные предприятия в труднейшее положение* – ‘оказались из-за кризиса’). То есть *поставить 13.* – это просто ‘каузировать находиться (в каком-л. положении)’. Характерная цепочка семантических переходов: неконтролируемость (со стороны обоих участников – X-а и Y-а) – случайность – нежелательность – отрицательность.

Вопреки ожиданию, здесь не возникает никакого семантического противоречия или рассогласования между *ставить* (от *стоять*) и *положением* (от *лежать*), наоборот, чисто каузативное значение *ставить* (“принудительность”) поддерживает признаки подчиненности и несвободы в значении ‘лежать’ (* *положить в положение*, возможно, нельзя сказать из-за тавтологии).

Для этого значения существенны два типа ограничений – на само абстрактное имя (обозначение ситуации): *поставить в (какое-то) положение/условия/зависимость*, но не * *поставить в состояние/обстановку/обстоятельства*; – и на определение к нему (характеристика этой ситуации). Идея нежелательности и “отрицательности” приводит к тому, что здесь употребляются, в основном, “негативные” характеристики, ср.:

Поставить в трудное / тяжелое / затруднительное / двусмысленное / неловкое / подчиненное / зависимое / глупое / дурацкое положение;

но: * *Поставить в легкое / приятное / независимое / свободное положение.*

Странно также сказать: *поставить в выгодное положение*; лучше – *в более выгодное положение*.

Ключевым словом здесь является *положение*. Положение статично, оно не развивается, не имеет внутренних ресурсов для изменения, хотя, конечно, может измениться под влиянием внешних факторов. Слово *положение* означает неактивную (а часто – “обусловленную”, зависимую от чего-то позицию – даже если это “высокое” положение, ср.: *Положение обязывает*). И этот “семантический ореол”, несомненно, связан с исходным физическим значением (и с внутренней формой ‘лежать’). Положение имеет лежащий, сидящий или вообще неподвижный человек, у которого гораздо меньший маневр для деятельности, чем у стоящего или движущегося.

Синонимом выражения *положение дел* является *положение вещей*, что также не случайно. Положение вещи определяется ее (статическим) соотношением с другими объектами.

VI. Метонимические значения

У обоих глаголов есть метонимическое значение ‘создавать’:

КЛАСТЬ 6. ‘Строить, сооружать из камня, кирпича’: *класть фундамент / стены / печь.*

– ‘класть камни / кирпичи друг на друга и тем самым создавать (“класть”) Y’.

СТАВИТЬ 9. ‘Строить, сооружать’: *ставить завод / мельницу / избу.*

– ‘строить, сооружать Y, в результате чего Y будет стоять’.

Таким образом, направление метонимического переноса у *класть* и *ставить* “противоположное”: у *класть* с начальной ситуации на конечную (со способа на результат), у *ставить* – с конечной на начальную (с результата на способ).

Проследим цепочки семантических переходов на примере глагола *поставить*.

ПОСТАВИТЬ Y

Y - ПРЕДМЕТ

каузировать Y

вертикально – находиться – (в месте) (*ставить лестницу*)

вертикально – **находиться** – **в месте** (*ставить кресло к окну; посуду на стол*);

(вертикально) – находиться – **в условиях** (*ставить микстуру на свет*);

находиться – **с целью** (для еды: *ставить кому угощение*);

находиться – для выполнения **функции** (в фиксированном положении) (*ставить капкан / горчичник*);

находиться – в функциональном и/или **фиксированном** состоянии и **на виду** (*ставить пятна / ставить знаки препи- нания*);

находиться – в **правильном**, нужном положении, состоянии **для** какой-либо **работы, деятельности** (*ставить часы – ста- вить удар кому*);

находиться (пребывать) – в “**правильном**” положении, состоянии (*ставить театральное дело*);

находиться – в “**активизированном**” состоянии и **на виду** (*ставить проблему*).

Y – ЧЕЛОВЕК

каузировать Y-а

вертикально – находиться – (в месте) (*ставить на ноги*);

вертикально – **находиться** – **в месте** (*ставить на лавку*);

находиться – **в месте** – для выполнения **функции** (стоя) (*ставить на пост / к станку*);

находиться – (в месте) – для выполнения **функции/работы** (*поставить на цыплят*);

находиться – **на "месте"** (должности) – для выполнения **функции** (*ставить начальником*);

находиться – **в положении** (*поставить в трудное положение*).

Коммуникативный акцент в каждом следующем типе значения сдвигается с “физиче- ских” компонентов на нефизические, функциональные, целевые и т.п.

Естественно, что как только у глаголов *ставить* или *класть* появляется объект, кото- рый физически не может стоять или лежать или для которого это физическое положение не- релевантно, они превращаются в предикаты со значением ‘каузировать находиться’. Это,

однако, не означает, что признаки базовой, прототипической ситуации в производных значениях полностью утрачиваются. Как раз напротив, эти признаки оказываются очень важными и обязательно используются даже в самых “далеких” от базового производных значениях – в противном случае наборы значений этих глаголов оказались бы совпадающими. Но это уже не признаки физической вертикальности / горизонтальности объекта, а признаки ‘видно’, ‘фиксированно’, ‘принудительно’ и т.п.

7. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1) Неметафорические значения. В когнитивной лингвистике огромный резонанс получила проблема метафорических моделей как способа концептуализации разного рода нематериальных объектов и процессов (идей, эмоций), типов культурного поведения и взаимодействия (ср. *спор – это война*) и т.п. (достаточно упомянуть знаменитую работу [Lakoff, Johnson 1980], вызвавшую целую волну исследований по метафоре). Однако кроме метафорических существуют и неметафорические значения, которые имеют тот же источник, что и метафорические, – основное, базовое, исходное значение слова. Наша гипотеза состоит в том, что исходное значение слова как способ концептуализации некоторой ситуации внеязыковой реальности предоставляет говорящим своего рода ментальную схему (семантическую модель) для осмысления других типов ситуаций, подводимых (в той или иной мере) под эту схему. И метафорические значения, метафора как тип переноса – всего лишь частный случай осмысления (интерпретации) одного (нового, неосвоенного, но по каким-то параметрам сопоставимого) через другое (данное, освоенное, парадигматическое).

Что касается рассмотренного выше языкового материала, то, при очень высокой полисемичности глаголов *ставить* (15 значений; с подзначениями – 29) и *класть* (9 значений; с подзначениями – 15), большинство производных значений как раз неметафорические, и даже метафора у этих глаголов, в основном, “генерализующая” (а не “изо-бразительная”).

2) Семантика глагола и семантика актантов. В семантическом представлении предиката обычно различают две зоны: собственно семантику (содержание предиката) и ограничения на актанты (ср. [Апресян 1974: 60-67], где обсуждается вопрос о том, какую информацию следует отнести к семантике, лексическому значению, а какую – к синтактике, сочетаемости). Однако, в сущности, если не брать смыслы типа модальных рамок (оценки и реакции говорящего) и т.п. компонентов, относимых к прагматике (о прагматическом компоненте см. [там же: 67-69]), то семантика предиката не содержит ничего, кроме информации об участниках ситуации (что естественно, поскольку предикат, по определению, выражает отношения между актантами). Просто это информация разного характера, разного качества. Ограничения на актанты (на заполнение валентностей) – это более или менее “статические” характеристики актантов (‘дискретный объект’, ‘вещество’, ‘лицо’ и т.п.), а собственное содержание предиката – это “динамические” характеристики актантов, т.е. информация о том, что происходит с участниками данной ситуации. Так, глагол действия сообщает, что делает Агенс и чего хочет Агенс (т.е. цель – это тоже одна из характеристик Агенса); какие процессы происходят с объектами (Пациентом, Инструментом, Средством, Местом).

Инициатором семантического сдвига является изменение типа объекта (или другого участника ситуации). Например, прототипическая ситуация, соответствующая глаголу *поднять* (*поднять с земли кошелек* – упавший или найденный, см. выше раздел 2), включает признаки ‘рукой’ и ‘с пола / с земли’. Считать ли эти признаки частью семантики глагола? Или характеристиками актантов (поднимают в значении *поднять I*. “манипулируемые” предметы, т.е. руками; ‘У лежал на полу / на земле’ – пресуппозиция глагола, но характеризует она исходное состояние объекта)? Или это свойства прототипической ситуации? В принципе верно и то, и другое, и третье. Конечно, признаки ‘рукой’ и ‘с земли’ содержатся в значении глагола *поднять*. Но, во-первых, эти признаки “попали” в глагол из ситуации; и, во-

вторых, за их присутствие в семантике глагола отвечает данный тип актанта: *поднять* имеет компоненты ‘рукой’, ‘с земли’, поскольку он относится (“применяется”) к “манипулируемым” объектам (= ‘рукой’), лежащим “на земле” (‘внизу’). Поскольку в лингвистическом представлении предиката есть две разные зоны (значение и сочетаемость), а компоненты глагола и признаки объекта дублируют друг друга, то они записываются один раз – в значение – из соображений экономии. Но когда исходный объект исчезает, заменяясь объектом другого типа, он “забирает” свои характеристики – причем не только из синтактики, но и из семантики глагола. Например, поднять руку (объект – часть тела) – это уже не с пола и не рукой. А те признаки исходного значения, которые совместимы с новым типом объекта (‘пере-местить снизу вверх, из более нижнего положения в более верхнее’), сохраняются.

В свою очередь, новый объект “заполняет” освободившееся пространство новыми (и обычно – более специальными) характеристиками. Например, производные значения *ставить* и *класть* с дискретными объектами соответствуют таким ситуациям, когда объекты со специальными признаками помещают в специальные места со специальными целями (вытекающими из свойств этих объектов и мест!): деньги как просто физический объект можно положить на комод, а как специальный объект – в банк (специальное место, принимающее на хранение деньги и ценности); человека (как физическое тело) можно положить на кровать, а можно (как больного) – в больницу (в специальное место со специальной целью – для лечения); горчичники как лечебное средство ставят с целью лечения; капкан как специальный объект ставят с целью “поимки” (для выполнения специальной функции); еду как специальный объект кладут в посуду как специальное место (чтобы есть); и т.д.

Как в таком случае будет выглядеть толкование производного значения? Мы можем записать *положить* 5.1. как ‘поместить Y в L, где Y=еда; L=посуда’ или как ‘поместить еду в посуду’ (словарь принимает промежуточное решение: ‘накладывать (пищу)’); аналогично: *положить* 2.3. – ‘поместить Y в L, где Y=лицо; L=лечебное учреждение’ или ‘поместить человека в лечебное учреждение’. Выбор способа записи – вопрос технический. Важно другое: глагол постепенно превращается в “приставку” при данном типе объекта, в лексическую функцию, то есть продвигается в сторону служебности. С этим процессом тесно связана проблема лексикализации. У исходных значений сочетаемость, как правило, семантическая, то есть задается семантическим признаком класса актантов. Лексическая сочетаемость (лексические ограничения на сочетаемость – в смысле [Апресян 1974: 61], ср. *ошибиться чем*) задается списком (носитель помнит, иностранец – заучивает). Сочетаемость же лексем типа *положить* 5.1. (*каши*) или *положить* 2.3. (*в больницу*) представляет собой промежуточный случай: она задается семантическими признаками, но вполне может быть задана и списком (больница, госпиталь, клиника, хоспис) – что, между прочим, нередко и делается в словарях.

Таким образом, чем “дальше” производное значение от исходного, тем беднее семантика самого глагола и тем больше роль существительного в интерпретации всей синтагмы, то есть в глаголе становится, так сказать, “все меньше глагола” и “все больше объекта”. Если неметафорические значения в какой-то степени еще можно предсказать по исходному, то метафорические практически не поддаются ни предсказанию, ни интерпретации без указания объекта, ср., например: *сорвать* 5 (с сущ. “голос”) ‘Потерять голос, охрипнуть...’; *отбросить* 4. ‘Создать, распространить (лучи, свет, тень и т.п.)’. Ясно, что, смысл ‘потерять’ в толковании *сорвать* совершенно бесполезен без ограничения “голос” (потерять можно очень многое; к тому же голос теряют совсем не так, как, скажем, кошелек); по толкованию ‘создать, распространить’, без приведенного в скобках ряда существительных, даже носителю языка, не говоря уже об иностранце, трудно будет догадаться, к каким ситуациям и объектам относится это значение; вообще, если формулировка ‘создать, распространить’ будет предъявлена без словарного “входа”, то вряд ли кто-нибудь сможет понять, что это толкование именно глагола *отбросить* (хотя, казалось бы, в толковании должна реализовываться идея кроссворда: чтобы по значению можно было восстановить слово). Другой способ толкования, тоже очень

распространенный, – через синонимы (ср. *сорвать голос* – ‘охрипнуть’) – мы сейчас не обсуждаем, поскольку это отдельная и очень большая тема.

С рассмотренным материалом связана еще одна проблема, активно обсуждающаяся в работах по когнитивной лингвистике: как человек удерживает в памяти десятки значений многозначных слов, что он запоминает, а что – конструирует (или реконструирует), ср. [Плунгян, Рахилина 1996]. Нельзя же, в самом деле, предположить, что носитель языка держит в памяти тысячи существительных, снабженных указаниями на то, с какими глаголами (и в каком значении!) они сочетаются. Скорее всего, он опирается на знание свойств прототипических ситуаций и объектов и по мере необходимости “извлекает” из них нужную информацию.

В самом деле, человеку вовсе не нужно знать, какие из сотен и тысяч имеющихся в языке существительных сочетаются с глаголом *поставить*. Он знает, что можно поставить стакан на стол, чемодан на пол, книгу на полку, потому что он их ставит. И когда возникает вопрос, можно ли “*поставить ковер на стену*” (ведь он будет расположен в каком-то смысле вертикально), оказывается, что важна не только вертикальность, но и опора снизу, – но если бы в русском языке не было глагола *висеть*, то ковры бы “*ставили*” или “*клали*” на стену – в зависимости от того, что важнее для говорящих: “вертикальность” или размещенность на плоскости; при решении вопроса, можно ли “*поставить пятак на ушибленное*” место, как горчичник, оказывается, что горчичник держится сам, а пятак нужно прижимать рукой, – значит, важна “прикрепленность”, фиксированность; и т.д.

Теперь посмотрим, как лексическое значение глагола представлено в словаре.

КЛАСТЬ

- 2.1. помещать куда-л.
- 2.2. помещать на хранение
- 2.3. помещать, устраивать
3. накладывать слой чего-л.;
наносить
5. накладывать
4. ставить (!) знак
6. строить, сооружать

СТАВИТЬ

- 1.2. помещать куда-л., располагать где-л.
- 4.1. располагать, размещать
- 8.1. наносить на поверхность
- 7.2. накладывать (!), прикладывать
9. строить, сооружать

Если мы возьмем толкования значений *класть* и *ставить* сами по себе, то есть без ограничений на актанты, то окажется, что многие из них, во-первых, имеют достаточно общие формулировки, а порой даже могут ввести в заблуждение (ср., например, обсуждавшуюся выше формулировку значения *класть* 2.1. “Помещать куда-л.”, из которой следует, что значение 2.1. описывает ситуацию “помещать что угодно куда угодно”); во-вторых, совпадают (ср. *класть* 2.1. и *ставить* 1.2.; *класть* 5. и *ставить* 7.2.; *класть* 6. и *ставить* 9. – как если бы они описывали одну и ту же ситуацию). При этом значительная часть формулировок сводится, по существу, к идее ‘каузировать находиться в месте / состоянии / положении’.

Однако словарные статьи содержат важную дополнительную информацию – характерные, так сказать, парадигматические для данной ситуации существительные, которые указаны либо при толковании самого значения (обычно в скобках), либо даже в примерах (банк; больница; краска, пудра; печать, штамп; пища, тарелка; кирпич; мельница и т.п.; ср. ниже правую колонку):

КЛАСТЬ

- 2.2. помещать на хранение, вносить
- 2.3. помещать, устраивать
3. накладывать слой чего-л.
наносить
5. накладывать

- банк, сберкасса
- больница, госпиталь, клиника
- краска, пудра
- черты, штрихи
- пища

4. ставить (!) знак	штамп, штемпель, печать, клеймо
6. строить, сооружать	из камня, кирпича
СТАВИТЬ	
1.3. давать, подавать	кому-л.; предметы, посуда
4.1. располагать, размещать	на какой-л. позиции; войска
6.1. придавать какое-л. положение, располагать каким-л. образом;	ноги
7.2. накладывать, прикладывать	компресс, горчичники
8.1. наносить на поверхность	пятна, синяки
9. строить, сооружать	изба, мельница, завод

Именно по этим существительным (а не по формулировкам “помещать что куда”, “накладывать”, “располагать” и т.п.) можно составить представление, каким ситуациям соответствуют данные значения *класть* и *ставить*. То есть, по существу, производные значения задаются не столько через толкования (которые, по существу, представляют собой лишь “отсылку” к семантической парадигме, – например, *класть* – это ‘помещать’, а не ‘делить на части’), сколько через прототипические объекты, которые “наполняют” общую и достаточно абстрактную когнитивную схему специфичной информацией. Ведь хотя сочетаемость в производных значениях семантически мотивирована, но круг существительных, которые реально требуются человеку для “обслуживания” обиходных ситуаций, относительно небольшой, и, в принципе, экономнее (а часто и эффективнее) просто перечислить в словаре эти существительные (из которых “пользователь” сам сможет извлечь нужные семантические ограничения), чем формулировать сложные и громоздкие семантические правила сочетаемости. Несмотря на то, что этот принцип (определение значения через прототипические объекты) проводится в словарях непоследовательно, он чрезвычайно важен и имеет глубокий смысл, поскольку такой способ представления значений, по-видимому, в гораздо большей степени отражает реальные процессы использования языка человеком, чем семантические признаки типа “+ / - одушевленный”, “+ / - дискретный” и под., которые были весьма популярны в структуралистских и вообще “формальных” описаниях лексической семантики.

Таким образом, словари более адекватно моделируют языковую способность человека, чем многие лингвистические описания, и составители словарей фактически реализуют когнитивный, а не “структурный” подход к представлению значений.

3) Связи между значениями и проблема инварианта. Как известно, многие выдающиеся лингвисты (такие, например, как Потенба и Щерба) не признавали полисемии и считали ее явлением по преимуществу диахроническим. А.А. Потенба считал, что связь производного значения с исходным (в виде внутренней формы) существует только на этапе образования производного значения, а затем внутренняя форма угасает и производное значение обособляется от своего источника, превращаясь в самостоятельную единицу – по существу, в омоним. Практика словарного представления значений многозначного слова как будто подтверждает эту теорию: словарные толкования разных значений полисемичного слова очень часто не имеют общих компонентов.

Против такого “антиполисемического” подхода есть целый ряд возражений – как формальных (на каком же основании эти значения объединяются в одну словарную статью, а не подаются как омонимы?), так и содержательно-психологических: и говорящие, и, разумеется, лингвисты ясно ощущают семантическое единство слова, которое должно найти отражение как в лингвистической теории, так и в лексикографической практике. Противоположный подход, напротив, пытается свести все богатство значений слова к семантическому инварианту, который тем самым оказывается семантически бедным и эвристически малопродуктивным (ср. обсуждение этих проблем в [Падучева 1986; Плунгян, Рахилина 1996]).

Обычно невозможно и, по-видимому, не следует пытаться подвести под некоторый инвариант решительно все значения слова, поскольку система производных значений много-

значного слова “неоднородна”: она имеет сложную структуру, состоящую из нескольких подструктур и включающую значения разного происхождения и разных типов.

Основой семантического развития слова служит не только исходное, базовое значение, но и соответствующая прототипическая ситуация. Она является источником той когнитивной схемы, которая, по мере удаления от физической субстанции, постепенно “проступает” во все более общем и абстрактном виде в производных значениях, объединяя весьма разнородные ситуации с разнотипными объектами в единую группу и делая их реализациями некоторой “общей идеи”. Но она же, прототипическая ситуация, является и источником многочисленных импликаций, которые в исходном значении не отмечаются (поскольку для толкования этого значения они не нужны), но на которых основаны многие неметафорические и, особенно, метафорические значения.

Вокруг исходного значения (“ядра”) группируются неметафорические производные значения, соответствующие “специализированным” денотативным вариантам базовой схемы (например, *поднять чемодан*; *поднять руку*; *поднять шлагбаум*; *поднять вещи на лифте* – все это разновидности физического (неметафорического) перемещения объекта из более низкого положения в более высокое); аналогично – *положить в карман*; *положить в больницу*; *положить в банк*; и т.п. Одной из таких реализаций является, между прочим, и само исходное значение, которое в данный исторический период представляется составителям словарей основным, наиболее контекстно свободным (“пер-вым”).

Ясно, что эта группа значений, так сказать, по определению имеет инвариант, поскольку все они являются “контекстными” реализациями (денотативными вариантами) этого инварианта.

Дальше идут метонимические значения, которые, в силу природы метонимического переноса (переноса на денотативно смежную ситуацию), и денотативно и семантически более тесно связаны с исходной ситуацией и исходным значением, чем метафорические. Они не имеют инварианта с исходным значением, поскольку относятся к другой ситуации, но имеют с ним общую часть – причем, очень важную часть, а именно: они, по существу, целиком включают исходное значение.

И наконец, самая дальняя периферия этой структуры – метафорические значения. Здесь можно различить, по крайней мере, два случая. Метафоры могут быть как бы “кальками” исходной ситуации (ср. *сбросить апатию*: метафорический объект мыслится как что-то находящееся на человеке и мешающее ему, что-то, от чего человек резким движением освобождается, подобно тому как он, например, сбрасывает пальто). Такие метафоры реализуют тот же инвариант, что и неметафорические значения, только в ином “пространстве”.

С другой стороны, есть метафоры (и их очень много), которые связаны с исходным значением каким-либо достаточно случайным признаком; причем этот признак (импликация) извлекается носителями языка даже не из исходного значения, а из прототипической ситуации, ср. *сорвать цветок* – *сорвать переговоры*; *сорвать голос*. Метафора основана на смысле ‘нарушить’ (это следствие из прототипической ситуации: раз цветок сорван, ‘отделен от корня’, значит, нарушена его “органическая” связь с корнем и ему причинен “ущерб”, ср. *сорвать голос*), который, конечно, никому не придет в голову включать в толкование *сорвать (цветок)*, пока у этого глагола не появится значение *сорвать переговоры* или *сорвать голос* (кроме того, в случае цветка речь идет о нарушении органической связи с корнем, в случае переговоров – о нарушении хода процесса).

Наконец, есть метафоры (ср. *поставить вопрос*; *поставить кого в какое положение*), которые, эксплуатируя какую-нибудь импликацию прототипической ситуации (‘на виду’; ‘принудительно’ и т.п.), одновременно реализуют общую идею (‘каузировать стоять’; ‘каузировать находиться’).

При этом инвариант может быть, по-видимому, разной степени абстрактности (ср. : ‘каузировать стоять’ и ‘каузировать находиться’).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д.* 1974 – Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян Ю.Д.* 1980 – Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели “Смысл \Leftrightarrow Текст” // Wiener Slawistischer Almanach. Sonder-band 1. Wien, 1980.
- Апресян Ю.Д.* 1986 – Интегральное описание языка и толковый словарь // ВЯ. 1986. № 2.
- Апресян Ю.Д.* 1995 – Избранные труды в 2-х тт. М., 1995.
- Арутюнова Н.Д.* 1979 – Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М., 1979.
- Вежбицкая А.* 1996 – Прототипы и инварианты // А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Гак В.Г.* 1972 – К проблеме общих семантических законов // Общее и романское языкознание. М., 1972.
- Кибрик А.Е.* 1992 – Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Кустова Г.И.* 1996 – О коммуникативной структуре значения глаголов с событийным каузатором // Московский лингвистический журнал. 1996. № 2.
- Кустова Г.И.* 1997 – Модели семантической деривации: семантическая парадигма глаголов способа // Труды Международного семинара Диалог’97 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 1997.
- Кустова Г.И.* 1999а – Семантические модели производных значений глаголов перемещения объекта // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1999. № 5.
- Кустова Г.И.* 1999б – Перцептивные события: участники, наблюдатели, локусы // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
- Падучева Е.В.* 1986 – Семантика вида и точка отсчета // ИАН СЛЯ. Т. 45. 1986. № 5.
- Плунгян В.А., Рахилина Е.В.* 1996 – Полисемия служебных слов: предлоги *через* и *сквозь* // Русистика сегодня. 1996. № 3.
- Рахилина Е.В.* 1991а – Предметные имена и имена предикатов // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1991. № 5.
- Рахилина Е.В.* 1991б – Прилагательные *сквозь* призму существительных и *vice versa* // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1991. № 9.
- Рахилина Е.В.* 1998а – Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
- Рахилина Е.В.* 1998б – Семантика русских “позиционных” предикатов: СТОЯТЬ, ЛЕЖАТЬ, СИДЕТЬ и ВИСЕТЬ // ВЯ. 1998. № 6.
- Dirven R., Verspoor M.* 1998 – Cognitive exploration of language and linguistics. Amsterdam; Philadelphia. 1998.
- Lakoff G., Johnson M.* 1980 – Metaphors we live by. Chicago, 1980.
- Rozina R.* 1998 - Meaning definitions and grammatical properties of predicates: Russian verbs of possession // The structure of the lexicon in functional grammar / H. Olbertz, K. Hengeveld, J.S. Garcia (Eds.) Amsterdam; Philadelphia, 1998.
- Ullmann S.* 1963 – Semantic Universals // Universals of Language / Ed. by J. Greenberg. M. I. T. Cambridge (Mass.), 1963.